

Интервью Почетного Президента РАПН О.В. Малиновой

- Каковы, с Вашей точки зрения, основные заслуги Георгия Хосроевича Шахназарова как политика и политолога?

К сожалению, мне не довелось быть лично знакомой с Георгием Хосроевичем, и видела я его лишь однажды – на Втором конгрессе политологов. Но выступление его тогда мне запомнилось, оно было очень ярким и на фоне других – то была еще эра «переводчиков», по выражению А.Д. Богатурова – очень выделялось нетривиальностью. Он говорил о том, в чем могла бы заключаться оригинальность российской политологии и ее место в мировом разделении труда; и обращал внимание на необходимость серьезного осмысления опыта реального социалистического общества. Представляется, что это пожелание не осуществлено до сих пор. А ведь действительно оно «в точку». Очень нетривиальный был человек.

Конечно, величайший вклад – это конгресс IPSA 1979 г. в Москве. В 2005 г., когда мы отмечали 50-летие включения отечественной политической науки в IPSA, ветераны вспоминали как в процессе подготовки к конгрессу в течение 2-часового заседания выяснилось, что политическая наука в СССР есть – удалось подготовить список докладов, позволявший не ударить в грязь лицом. И многие зарубежные коллеги, участвовавшие в московском конгрессе, вспоминают его до сих пор как один из наиболее значимых – видимо, так получилось, что конгресс пришелся на момент острых дискуссий, смены парадигм в мировой политической науке. Помню, например, рассказ на этот счет Ф.Шмиттера... Видимо, это было событие из разряда тех, что запоминаются.

- Как бы Вы оценили развитие советской политической науки в 1970-1980-е гг. и деятельность Советской ассоциации политических наук?

Я не была членом САПН и судить о ней мне сложно. Что касается советской политической науки – как это ни парадоксально, она несомненно была. Доказательством тому служит то, что когда в начале 1990-х мы делали первые курсы по политологии, оказалось, что есть, на что опереться. Причем была она действительно делом научной элиты высшего класса, поэтому отличалась профессионализмом и высокой компетентностью: писать на эти темы «доверялось» только «проверенным», знающим языки, образованным, умным, лучшим... Это потом, в 1990-х, началось половодье спешно «переквалифицирующихся» кадров... Жалко, что мы активно читали работы 1970-1980-х только в самом начале, а потом забросили. Конечно, стоило бы провести инвентаризацию нашего наследия (тоже к вопросу о нашем месте в разделении труда!).

- Что означал для отечественной социальной науки распад Советского Союза? Как бы Вы охарактеризовали развитие российской политической науки в 1990-2000-е гг.?

На эту тему много что сказано и написано, в том числе – и нашими коллегами по РАПН (ассоциация постоянно ведет какие-то исследования, посвященные состоянию политической науки в России; в 2005-2008 гг. и мне довелось руководить одним из таких проектов, по его итогам была издана книга «Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007)»). Если в двух словах, то несмотря на крайне неблагоприятные экономические и социальные обстоятельства нам удалось за эти 20 лет сформировать ядро профессионального сообщества – очень сложного и гетерогенного; но все же мы постепенно осознаем себя в качестве членов сообщества, формирующего некие профессиональные стандарты, которое в состоянии оценивать «по гамбургскому счету» и т.д. Хотя проблем, конечно, много – и разных. Однако есть одна большая проблема, точнее вызов: наш объект, российская политика, которая съезживается на глазах, как шагреновая кожа. Правда, я принадлежу к числу тех, кто видит в этом обстоятельстве вызов, а не приговор: может быть, обстоятельства, которые побуждают нас внимательно перепроверять применимость устоявшихся «общепринятых истин» в нашем неоавторитарном контексте, как раз и подталкивают нас к тому, что должно составить специфику нашей национальной школы? Побуждает задавать вопросы, которых прежде не возникало...

- Каковы «точки опоры», «точки роста» современной российской политической науки? Есть ли у нее конкурентные преимущества, позволяющие упрочить ее положение в глобальном масштабе? В каких областях исследований могли бы заметно проявить себя исследователи из России?

«Точек роста» много, вопрос – что из них вырастет. Мне кажется, что буквально в самые последние годы мы стали более активны на международной арене (хотя все равно еще недостаточно, особенно в смысле публикаций). Я имею в виду не мэтров – «звезды», способные блистать на международных конгрессах, у нас всегда были, – а просто профессиональных ученых, специалистов. Очень важно, чтобы «в глобальном масштабе» мы были заметны не как одиночки, а как представители своих школ, сетей, сообщества. Лишь тогда можно будет рассуждать о том, в каких областях мы сильнее. Хотя ресурсы, конечно есть. Как есть и конкурентные преимущества – например, русский язык, который знают на значительной части постсоветского и посткоммунистического пространства... Однако используем мы это преимущество пока недостаточно.

- Какие основные проблемы в развитии РАПН? Что необходимо для укрепления профессионального сообщества политологов страны?

Мне кажется очень важным поиск точек сопряжения между существующими у нас разными «классами» (так выразилась моя екатеринбургская коллега М.А.Фадеечева: пока непонятно, складываются ли у нас школы, но ясно, что есть «классы», вырастающие вокруг мэтров...), разными образами политической науки. Не механического совмещения, а сопряжения, творческой проработки, из которой вырастает новое. По-новому теперь уже встает проблема связи поколений: становятся на собственные ноги те, кто получал специальное политологическое образование у нас в России. Когда-то казалось, что придет новое поколение – и профессиональный уровень резко изменится, ведь это люди с систематически «настроенными» мозгами, без «деформаций», обусловленных первой профессией. Однако сегодня видно, что качественного изменения не происходит; новое поколение воспроизводит большинство старых проблем. И безусловно есть проблема узости рынка труда – она стоит для политологов везде, кроме, пожалуй, США, где несколько более емкий, чем в других странах рынок политологических образовательных услуг. Хотя и там проблема тоже есть. Мы готовим отличных ребят, хорошо образованных, интересно мыслящих – но им сложно найти себе применение, работодателям они не нужны. Видимо, мы как сообщество должны работать на расширение профессионального рынка – это наш корпоративный интерес.